

1.3.4. Реакция населения на смену главы правительства

Перемены в правительстве вызвали в просыпавшемся от спячки обществе самые различные отклики. Некоторые продолжали слепо верить в правильность каждого шага, сделанного властью.

На вопрос, какие чувства и мысли вызвала у вас эта перемена в высшем эшелоне власти, о своем положительном отклике вспомнили только 12,5% опрошенных в 1998 г. и 14% опрошенных в 1998 г.

«Маленков мало делал для народа, поэтому надеялись на Булганина», – вспоминала рабочая Московского электрозавода им. Куйбышева Л.П. Агеева{363}. Недолго любила Маленкова В.Г. Тишкова из научной библиотеки ВАСХНИЛа{364}. «К Маленкову народ не питал доверия», – уверен А.А. Рыбаков, военрук 8-летней школы в поселке Онуфриево Истринского района{365}. «Высокий хозяйственный авторитет (директор Электрозавода, председатель Моссовета, министр обороны)» имел Булганин, по мнению студента Московского геолого-разведочного института Г.И. Потапова; кроме того он обладал «импозантной внешностью»{366}. Уважали его, по мнению работницы Министерства оборонной промышленности В.М. Быстрицкой{367}. «Выше был Булганин» и по мнению слушателя Военной академии им. Фрунзе С.В. Гранкина{368}. Рабочая завода «Металлосетки» в Щелково Н.А. Бурева также считала, что Булганин разбирается в хозяйственных вопросах лучше Маленкова{369}. Думал, что Булганин справится лучше, фрезеровщик В.С. Агошенев с завода «Электросталь»{370}. «С любовью» встретила назначение Булганина главой правительства, считая его «человечнее, ближе к народу», техник Союздорпроекта Е.В. Стоумова{371}. «Пришло время новых людей», – думала А.А. Кузовлева, работница Серпуховской ситценабивной фабрики{372}.

«Провинился, вот и сняли», – объяснял тракторист Р.В. Ванягин из совхоза «Коробовский» в Шатурском районе. Вынужденной посчитал эту замену бухгалтер И.П. Медведев из поселка Красково в Люберецком районе. Рабочий Нарофоминского шелкового комбината В.С. Данилович «всегда считал, что Булганин достойней Маленкова, и поэтому замену воспринял с удовлетворением». Более способным считала Булганина работница одного из домоуправлений в Ленинграде К.И. Иванова. Что Булганин должен быть лучше Маленкова, считал военный инженер П.А. Писарев из Краснояр-ска-26. Диспетчер авиамоторного завода № 20 в Москве Е. И. Коклюшкина рассказывала: «О Маленкове еще с войны говорили плохо, а Булганин – интеллигент, тихий, спокойный, скромный». Его личность импонировала, и он внушал доверие А.Д. Арвачеву из села Покровское в Подольском районе. «Булганина считали умным человеком», – рассказывала В.П. Строковская, бывшая тогда замужем за одним из столичных писателей. Неплохим руководителем считала Булганина учительница В.В. Ратникова из деревни Моносеино в Лотошинском районе. «Булганина тоже уважали», – говорила учительница вечерней школы в подмосковном поселке им. Володарского В.Н. Вавилина{373}.

Назначение Булганина вселило большую надежду в московского рабочего В.К. Гавриленко и еще многих респондентов. Дальнейшего улучшения жизни на селе ожидала работница совхоза «Красный забойщик» на Днепропетровщине Н.А. Белая. М.И. Гончарова из подмосковного Костино думала, что «так будет лучше: новые люди – новые дела»{374}. Надеялась на «улучшения в политической жизни страны» Д.В. Шевцова, токарь одного из московских военных предприятий{375}. Надеялась, что «смена наверху» повлияет на то, что «жизнь станет более лучшей», путевая обходчица Т.М. Маленец из Гомеля{376}. Верил в Хрущева А.И. Митяев, инженер ОРГ «Алмаз» в Москве{377}. У техника В.П. Платонова из Саратова была одна мысль: «Что ни делается, все к лучшему»{378}. «Напрасно у нас никогда ничего не делают», – говорил А.П. Козюхов, прокурор из Плавска в Тульской области{379}.

Л.И. Волкова, студентка техникума связи в Москве, вспоминала позже, что тогда эти вопросы не обсуждались: «Все, что происходило в Кремле, было правильным»{380}. «Посидел – дай другому», – думал шофер Н.И. Семенов из поселка Новостройка в Загорском районе{381}.

В смысл не вникая, все же одобрила заведующая столовой в Петрозаводске М.А. Гришина. Не сомневался в правильности перемены рабочий завода № 23 Н.И. Сиротинин, проживавший в подмосковном Перхушкове. «Как партия сделала, так и должно быть», – рассуждал рабочий Красногорского оптико-механического завода В.Д. Бакин. «Власть все делает на благо народа, – была уверена Е.А. Дубовицкая из Барановичей, – и если сняли кого, значит так и надо». Верила той информации, которая была, А.И. Белкова, работавшая в Московском метрополитене, а жившая в Перхушкове. «Вера в новое хорошее» была у А.В. Кузнецовой из деревни Лютиково в Талдомском районе Московской области. За вполне нормальное явление приняла отставку Маленкова медсестра из железнодорожной больницы в Коломне Т.Ф. Ремезова: «Поработал – дай другому»{382}.

Не согласны были с заменой главы правительства, считали ее ошибочной, сожалели соответственно 18 и 16% опрошенных.

Хотя личной жизни инженера А.И. Голубчикова из Каменска-Уральского эта перемена, оговаривался он, не касается, все же, по его мнению, «Маленков ушел зря». «Маленков лучше, он сельское хозяйство хотел поднять!» – считал рабочий санатория ВМФ под Солнечногорском Б.С. Егоров. «Переживали, так как Маленков заботился о простом народе, – рассказывала Т.П. Кищенко, работавшая тогда в Комсомольске-на-Амуре. – Видно, там, наверху кому-то не понравилось». 16-летний школьник В.Р. Червяченко из Курской области утверждал, что отставка Маленкова «воспринималась большинством негативно», так как именно с ним «связывалось реальное улучшение жизни». «Люди на стороне Маленкова», – был уверен шофер Ю.И. Чусаров из деревни Аксеново в Раменском районе. «С Маленковым было хорошо», – объясняла доярка из тульского колхоза «Заря» В.П. Давыдова. Полагала, что уж очень недолго был на своем посту Маленков и что он «сделал бы больше», медсестра Бабушкинского райздравицы П.П. Хлопцева. Услышав об отставке Маленкова, колхозница А.А. Комарова из деревни Захарово Малоярославецкого района поняла, что «задуманное им не исполнится»{383}.

Работница дорожно-эксплуатационного участка в Балашихе А.И. Яковлева была уверена, что «Маленков ничем не провинился, а Булганин не имел особых заслуг, чтобы занять этот пост». Несправедливой считал произведенную замену главный инженер автобазы п/я 367 Главспецстроя в подмосковном поселке Северный А.Е. Котин. Хорошим человеком считал Маленкова пресовщик с завода «Серп и молот» П.Г. Филатов, а перемена несла неизвестность. Испытывала разочарование работница санатория «Южный» в Евпатории М.А. Прилепская, так как она «очень верила в Маленкова». С болью воспринял замену главы правительства водитель Артиллерийской академии С.П. Воблов. «Маленкова жалели все», – утверждала токарь завода п/я 30 в Каменске-Уральском Ф.Н. Соловьева. Жалела Маленкова и учительница Воздвиженской школы в Загорском районе А.П. Запрудникова. О Булганине ей ничего не было известно кроме того, что он, хоть и политик, был влюблен в певицу Зыкину{384}.

Сверхсрочник А.Н. Степанов, несший службу в советской военной базе Поркалла-Удд, полагал, что «Булганин ничего не сможет сделать, а потому назначение его бессмысленно». «В Булганина мы не верили», – говорила доярка М.С. Прилепо из деревни Струженка в Сурожском районе Брянской области. «У Булганина начался старческий маразм», – уверял офицер А.П. Брехов. Досаду и сожаление испытал председатель одного из колхозов в Белоруссии В.Я. Пономарев, узнав о замене «умного, энергичного и деятельного Маленкова на рыхлого генерала Булганина»{385}.

Как идеальное доказательство утверждения, что «перемены – показатель нестабильности», расценила это событие десятиклассница из Куйбышевской области Е.П. Макарова. «Быстрая перемена власти в высшем эшелоне никогда у народа не вызывает одобрения», – объясняла К.К. Лишманова из села Сенино в Чеховском районе. «Перестали восхищаться властью и ждать хорошего», – разочарованно говорила работница рыбоперерабатывающего комбината в Поронайске на Сахалине Т.С. Зайцева{386}.

Нашли эту рокировку странной и непонятной, недоумевали, были обеспокоены ею еще

4-6% опрошенных. Не знали, зачем это было сделано, водитель из города Железнодорожный П.С. Складников и московская домохозяйка Л.Е. Гусева. «Ведь мы надеялись, что ему удастся вывести страну из кризиса и хоть немного улучшить положение народа», – говорила московская медсестра А.Е. Федулеева. Непонятно было и технику Красногорского оптико-механического завода Р.И. Бакиной: «Может не понравилась его программа?». «Запутанные мысли и подозрения» возникли у рабочего завода № 30 в Москве А.И. Кирьянова: «Почему сместили Маленкова? Почему назначили именно Булганина? Сможет ли он хорошо руководить? Как его назначение повлияет на жизнь страны и народа?». Беспокоила эта замена и выпускника Ленинградского горного института М.И. Тухтина: «Маленкову я симпатизировал, слышал о нем довольно много и хорошего и плохого, а о Булганине почти ничего не знал. Кто его знает, как он будет выполнять свои обязанности?». Испуг от новой неясности возник у рабочего завода «Промсвязь» в Талдоме Н.П. Кузнецова. «Чувство настороженности и недоверие действиям наверху» возникло у корреспондента газеты «Люберецкая правда» Е.Н. Филькова. Как «достаточно умелый хозяйственник» был известен Маленков инженеру одного из московских НИИ Б.Г. Лященко, а вот о Булганине он не слышал ничего. «Появилась неизвестность в правительстве», – как бы подводил итог сержант Н.А. Куликов, служивший в Киевском военном округе {387}.

Полагали, что это борьба за власть 2-4% опрошенных. Особо не вникая, ибо не знали Булганина, восприняли его назначение, как «кремлевские дрызги», жители хутора Буденный в Подгоренском районе Воронежской области. Из того, что говорили на политзанятиях, алма-атинский врач Н.В. Кузьменко сделала вывод, что это «афера верхов». «Грызней за власть» посчитала смену главы правительства учительница из Куровского Т.А. Лашкевич. Как усиление борьбы за власть, понял эту перемену офицер в/ч 44526 В.А. Лавровский. Такой же борьбой в верхах, как и в случае с Берией, назвал эту перемену разнорабочий Химкинского самолетостроительного завода В.И. Лаврухин {388}.

Никаких чувств не вызвало, остались безразличными, было все равно для соответственно 40 и 30% опрошенных. «Раз заменили, значит надо», – полагали Г.Р. Конопленко, работавшая в редакции газеты «Известия» и студентка Коломенского педагогического института Л.А. Змитрук. «Правительству виднее», – полагала уборщица Воронежского отделения Гипрокаучук В.А. Комова. Маленков – Булганин, Булганин – Маленков, – они «словно один человек воспринимались» рабочим трамвайного депо им. Баумана В.А. Васильевым. «Все они там одинаковы», – говорила и С.И. Алексеева из подмосковной Немчиновки. Не верила ни тому, ни другому москвичка П.М. Бурова. Плохо знал и того и другого рабочий завода «Серп и молот» А.И. Нартов, мало о чем говорило имя Булганина и его жене {389}.

«То, что творилось в высших эшелонах власти, было покрыто тайной» для бригадира поездной бригады из Николаева В.А. Попова. «Ну, заменили и заменили», – говорила учительница из Тюменской области В.П. Торопова. «Дела в верхах – это их дела, мы живем своими интересами», – говорила учительница М.М. Крылова из деревни Ключевая в Калининской области. «Это не мое дело», – говорила станочница Московского завода «Сельмаш» З. И. Прусова. Не интересовали кадровые перестановки в правительстве техника Томилинской птицефабрики А.М. Васильеву. «Не разбиралась в политике» рабочая 1-го часового завода им. Кирова О.Н. Гуськова. Не интересовалась политикой инженер Мосгорпроекта Л.А. Любешкина. «Аполитичной» была повар кафе-ресторана «Столешники» Е.В. Глазунова. Чувства и мысли студентки Свердловского медицинского института М.А. Белан в те времена были заняты семьей и учебой, так что «было не до Маленкова и Булганина» {390}. Мотивы последних респондентов перекликаются или полностью совпадают с мотивами тех, кто не обратил внимания на формальную перемену правительственной власти в стране или затруднился с ответом.

Не обратили внимание или вовсе не знали об этом 4-7,5% опрошенных. «На эту замену главы правительства никто не обратил внимания», – утверждали студент Московского университета им. Ломоносова М.М. Панкратов и учительница Н.С. Мартынова из подмосковного поселка Дзержинский. В числе этих «никто» была А.Т. Булычева, только что приехавшая их курской глубинки в Москву и нашедшая там работу на одной из строек. «Слишком далеко от меня это было», – поясняла продавщица из сельпо в недалеком от столице

Веневском районе Тульской области. Не думала об этом студентка Архитектурного института К.Н. Ненарокова. Зэк А.И. Иванов в лагере не знал об этом, а узнав, решил, что лучше не будет. Единственным ярким человеком для Г.Н. Щербаковой, учившейся тогда в Серпуховском педагогическом училище, был Хрущев{391}. Затруднились с ответом 4-7% опрошенных. «В политике тогда не разбирался» инженер Летно-испытательного института в Жуковском Г.Д. Климов{392}.

Не помнят такого соответственно 12 и 10% опрошенных. «Народ был темный, – оправдывалась за себя и других учительница начальных классов из Раменского Л.Н. Пантелеева, – все воспринимали как должное, считали главным хорошо жить»{393}.

Нет ответа или он не поддается толкованию у соответственно 7 и 5% опрошенных. Как ответ на избрание президентом США генерала Эйзенхауэра воспринял смену главы советского правительства студент Московского энергетического института А.В. Митрофанов{394}.

Среди тех, кто с недоумением или даже неодобрением встретил смену главы правительства, нашлись и такие, кто вдруг осознал тщетность надежд на гуманизацию отношений в обществе и демократизацию в самой партии. Это показало обсуждение итогов пленума на местах. На областных, городских и районных партийных активах оно шло довольно гладко, а если кто и подвергался резкой критике, то не иначе как с изволения или по инициативе руководства. Так, на столичном партактиве первый секретарь МГК Е.А. Фурцева не скрывала своего недовольства речью секретаря парторганизации Института экономики Академии наук СССР Котова. По ее мнению, он выступил не самокритично и не дал «должной» политической оценки «вульгаризаторским, антимарксистским взглядам в вопросах теории политэкономии социализма, которые проповедовали отдельные сотрудники института»{395}. Не удовлетворило ее и выступление министра культуры СССР Г.Ф. Александрова, который считался креатурой Маленкова. Претензии к нему заключались в том, что он, подробно остановившись на международных культурных связях (а тут было чем похвастаться), вместе с тем «лишь несколькими общими словами сказал о решении... о товарище Маленкове», тогда как, будучи участником пленума, «должен был выступить более конкретно» и также «дать глубокую партийную оценку ошибкам товарища Маленкова»{396}.

Как и раньше, то, что по-настоящему интересовало и волновало людей, проявлялось не в записных прениях, а в записках, подаваемых в президиум. Так в Ленинграде наиболее характерными вопросами были: «Почему Маленков был утвержден председателем Совета министров? Не напрасно ли его оставили в Президиуме ЦК? Он должен нести ответственность не только моральную, но и политическую за “Ленинградское дело”»{397}. На Кировском заводе уже раздавались открытые требования привлечь Маленкова к ответственности, ибо у него «руки в крови», и присутствовавшему там секретарю обкома Н.Д. Казьмину, как он признавался позже, «было трудно убедить... в обратном»{398}. Первый секретарь Ленинградского обкома Ф.Р. Козлов информировал ЦК: «В связи с тем, что в Ленинграде в последнее время имеются перебои в торговле и создались очереди за сахаром, маслом животным и мясом, поступает большое количество вопросов о причинах недостатка в этих продуктах»{399}.

По-иному складывалось обсуждение итогов пленума в некоторых первичных организациях. То там, то здесь, как отмечалось в одной из записок нового министра обороны Г.К. Жукова и его заместителя по политической работе А.С. Желтова в ЦК, имели место «выражения недовольства и отсталых настроений». Так, подполковник Чуриков из Северной группы войск сетовал на то, что, несмотря на многочисленные постановления о развитии сельского хозяйства, дела в нем серьезно не улучшаются. «В городах по-прежнему большие очереди за хлебом, мясом и другими продуктами». Капитан Лукьянов в Закавказском военном округе недоумевал, почему сняли Маленкова, ведь он «много сделал и имеет популярность среди колхозников». Такого же мнения придерживался рядовой Головин в Белорусском военном округе. Был Маленков, рассуждал лейтенант Савинов на Черноморском флоте, заставляли подписываться на заем в размере двухнедельного заработка, стал Булганин, размер подписки увеличили. Были и более простые, хотя и довольно далекие от истины объяснения персональных перемен наверху. Сержант Есин (Прибалтийский военный округ) полагал, что «руководство правительством поручено военному деятелю» потому, что «надвигается

опасность войны». Подобное же предположение выдвигал капитан Корсаков (8-й военно-морской флот): «Теперь правительство военное, наверное, будет война»{400}.

– Очень жаль, – прямо высказала то, что думала, работница Московского ликеро-водочного завода Ларькина. – Ведь с его именем связаны большие дела по улучшению жизни народа в нашей стране.

Парторг цеха № 6 на заводе № 45 Хорин, отметив, что все рабочие в его цехе болезненно встретили заявление Маленкова об отставке, полагал, что бывший председатель Совета министров принял на себя слишком большую вину:

– Разве в допущенных недостатках виноват он один? Конечно, нет{401}.

На партийном собрании философского факультета Московского университета 9 марта 1955 г. после зачитывания постановления о Маленкове «политически неправильно» выступили сразу аж пять человек! Так, студент П.В. Смирнов, посетовав на то, что некоторые коммунисты только после решения руководящих органов «начинают задним числом говорить, что они это знали, но тем не менее почему-то молчали», сделал вывод, что, значит, раньше многие из них выступали как приспособленцы. И предложил почистить партию от такого рода «мазуриков» путем установки партмаксимума. Дальше – больше. А.И. Могилев предложил вместо бездумного одобрения решений пленума записать в резолюции «принять к сведению», потому что «весь разговор ведется об ошибках Маленкова», а это больше вина ЦК. Он усомнился в реальности контрольных цифр пятилетнего плана по развитию сельского хозяйства (10 миллиардов пудов зерна уже в этом году) и заявил:

– До сих пор мы верили ЦК, а теперь многое для нас неясно.

О необходимости усилить демократические начала в партии говорил студент З. Г. Апресян.

– Зачем все ошибки валить на Маленкова? – недоумевал он. – В ответе вся партия, весь ЦК и особенно Президиум во главе вы знаете с кем.

Еще дальше пошел А.И. Сохин, замахнувшийся на советскую избирательную систему, которая, по его мнению, «не является демократической».

Эти речи получили поддержку других студентов-коммунистов. И когда кто-нибудь из президиума пытался подправить, а тем более одернуть увлекшихся ораторов, его прерывали шипением, стуком и выкриками:

– На факультете у нас установился такой порядок, когда людям говорить не дают, рты зажимают. Это не только наш порок. Это идет дальше и выше!

Во всем этом увидели, как это было принято тогда, групповой сговор. Уже 15 марта партком МГУ постановил за «непартийные» выступления исключить из партии Смирнова и Могилева, а Апресяну и еще двум студентам объявить строгий выговор с предупреждением. Однако бюро Ленинского райкома посчитало эту меру взыскания слишком либеральной и постановило исключить из партии всех «вольнодумцев», выступавших на собрании. Мало того, от них требовали признаться, с какими контрреволюционными организациями они поддерживают связь.

Однако карательная мера вызвала эффект, обратный желаемому, – не страх и раскаяние, а возмущение. Один из преподавателей, И.М. Панюшкин, написал на имя Хрущева и Булганина письмо в защиту наказанных. Сами студенты отправили делегацию с жалобой в горком партии. К тому же все это дело получило широкую огласку. Во Всесоюзном государственном институте кинематографии, городском педагогическом и Московском инженерно-физическом институтах на занятиях по философии, истории партии и марксизму-ленинизму преподавателей засыпали вопросами «не по теме»: о демократии и дисциплине, суде над Берией и разногласиях в Президиуме ЦК... В результате в МКК КПСС решили, что не стоит «портить отношения со студентами», и все возмутители спокойствия отделались строгачами. Правда, один из них, Смирнов, исключенный сразу же из университета, вынужден был заканчивать его на вечернем отделении{402}.

Так что не только первые робкие попытки реформирования системы, но и их сворачивание, объявление их не соответствующими духу марксизма-ленинизма, сопровождавшие отставку Маленкова, побуждали все большее число людей к критическому осмыслению недавнего прошлого и настоящего. Общество перестало казаться монолитным. И,

мало того, поддержка власти с его стороны уменьшалась, а в случае с отставкой Маленкова вообще оказалась на критическом уровне.